

Люсия Веденская

Ключ от чужой жизни

«Литнет»

2025

Веденская Л.

Ключ от чужой жизни / Л. Веденская — «Литнет», 2025

ОДНОТОМНИК — Я тебя не помню. — А я помню, как ты улыбалась. Только теперь улыбаешься иначе.***Я умерла в двадцать пять лет. А потом проснулась в теле другой женщины, у которой был муж, шестилетняя дочка и своя боль, тихая и глубокая, как море после шторма. Меня звали Алина Ковалева. Сейчас у меня другое имя, чужая жизнь и дом, в котором пахнет детской пеной для ванны и старой масляной краской. Я не знаю, как быть матерью и женой. Не умею говорить ее голосом, любить его так, как, возможно, когда-то любила она. А он, красивый, молчаливый, уставший, давно привык жить в тени прошлого, довольствуясь одними воспоминаниями. Мы оба потеряли себя, но, может быть, еще сумеем найти друг друга. Ведь возможно ли построить любовь с нуля с почти бывшим мужем? Это не история о мистике. Она о любви, которая приходит не сразу. О женщине, получившей второй шанс, и о настоящем мужчине, который не ожидал снова почувствовать тепло, но готов был его бесконечно дарить. Оdnотомник. ХЭ.НЕ классическое фэнтези (а, может, и не фэнтези вовсе).

© Веденская Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава первая	5
Иллюстрации. Максим и Елена Сотниковы. Визуализация	10
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Иллюстрации. Варвара Сотникова	27
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава первая

Авторское предупреждение

Эта история начинается с аварии и невозможного развития последующих событий. Да, эта книга о жизни после смерти, но не спешите ждать чудес. Все «волишебное» здесь ограничивается завязкой сюжета. Одна-единственная капля фантастики в большом, глубоком океане очень реальной жизни..

Здесь нет привычного волишебства, но есть то, что сильнее любой магии: близость, привязанность, надежда. Если вы ищете приключенческое фэнтези, эта не та книга. Но если вы когда-либо теряли себя и пытались найти заново — добро пожаловать.

Алина

Иногда люди шутят, что хотели бы оказаться на собственных похоронах. Просто чтобы посмотреть, кто придет, кто принесет цветы. Кто станет молчать, кусая губу, кто будет слишком эмоционально говорить, будто знал тебя лучше всех. Кто заплачет, кто уйдет первым, кто останется до самого конца и задержится у могилы.

Я всегда думала, что это странная фантазия, но теперь...
 Мне или невероятно повезло, или страшно не повезло, но я действительно оказалась на своих похоронах. Официально, правда, другим человеком, но в гробу лежало мое вполне себе настоящее мертвое тело. Все, что было моей жизнью, исчезло в одну секунду на мокрой трассе где-то за городом, когда чья-то машина не справилась с управлением. Так в мире стало две Алины: мертвая я, на которую смотрела, и живая я, которая была не совсем Алиной...

Я запомнила смерть, но не как кадр из фильма. Не было никакого теплого света, я не шла по тоннелю, никакие голоса меня не звали. Это было совсем другое. Сначала все тело сковала ужасная боль, я даже не успела понять, что произошло. Потом боль отпустила, но вот мозг успел осознать нечто страшное. Появилось ощущение, будто провалилась внутрь себя, как в яму без стен и дна. Ни тела, ни мыслей, один только страх и пустота.
 А потом возникло лицо: молодое женское, очень красивое, но пустое, словно совсем без эмоций. И что-то перешелкнуло, как если бы ты внезапно проснулась в чужой комнате и не поняла, где находишься. Только потом я поняла, что, видимо, это был какой-то небесный тумблер.

Но все это будет позже. А пока я просто расскажу свою историю, как есть, без прикрас, без пафоса, без какого-то глубинного смысла, если уж на то пошло. Потому что мне, кажется, все-таки повезло увидеть жизнь иначе и научиться жить по-другому.

Меня звали Алина Ковалева. Я умерла в двадцать пять лет. И, если честно, я не знаю, кем была.

Не студенткой, потому что ушла с третьего курса четыре года назад, ведь нужно было работать, чтобы платить за жилье, еду, интернет.
 Не архитектором, хоть иногда все еще чертила на обрывках чеков, салфетках, в блокнотах и видела во снах уникальные сооружения.
 Не бариста, хотя варила кофе в маленькой кофейне на углу у дома больше двух лет.
 Я не дочь и не внучка, я сирота. И это слово никогда не звучало для меня трагично, это просто факт, как цвет глаз или рост.
 Я не девушка, не невеста и уж тем более не жена: своего единственного я еще не встретила, да и в целом почти ни с кем не встречалась.
 Я была человеком, который живет от утра до вечера, иногда забывая, зачем вообще проснулся. Общалась с небольшим количеством друзей и знакомых, иногда выбиралась на природу, мечтала о собаке, работала и всегда пыталась найти подработку.

А потом я умерла, и все изменилось.

Я открыла глаза и будто очутилась в номере дорогого отеля: просторном, залитом мягким светом, с большими окнами и тяжелыми порттьерами. Белые стены, переливы бежевого и золотого, гладкий пол, полупрозрачные занавески, которые колыхались от легкого сквозняка, приглушенный аромат дезинфекции с легкой ноткой лаванды. Все вокруг казалось слишком правильным, слишком чужим.

Прошло несколько мгновений, прежде чем я поняла, что это больничная палата. В жизни подумать не могла, что она будет такой комфортной, почти роскошной.

Рядом на кресле дремал мужчина. Высокий, крепкий, с короткой стрижкой и легкой щетиной. Одет он был дорого, но просто — рубашка без галстука, пиджак и брюки. Его лицо казалось усталым, но спокойным, и даже во сне в нем была какая-то тяжесть, будто он носил на себе груз, о котором я ничего не знала. На вид ему сложно было дать больше тридцати пяти лет.

Я осторожно подняла руку, словно боясь потревожить хрупкий сон, и легким движением коснулась его плеча. Он вздрогнул, медленно открыл глаза и посмотрел на меня, удивленно, как будто не верил, что я действительно проснулась.

Глаза его были добрыми, но полными усталости.

Я хотела что-то сказать, но слова никак не находили путь из горла.

Где я? Кто он? Почему я здесь?

Все вопросы роились в голове, но ни один не находил ответа.

— Ты проснулась, — сказал он тихо, улыбаясь так, будто эта улыбка была для него долгожданным спасением.

Я чуть улыбнулась в ответ, и в его взгляде прочитала: да, он действительно рад мне. Но радость не скрывала того, что мыслями он где-то далеко от этой палаты, что усталость и тревога сидят в каждом его движении.

Я не успела задать ни одного вопроса, за меня это сделала жизнь. В дверь тихо постучали, и почти сразу в палату вошла миниатюрная женщина лет сорока в голубой форме. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, на лице красовалась искренняя улыбка, в руках она держала планшет с распечатками.

— О, доброе утро, — мягко сказала она, с явным облегчением глядя на меня. — Вы наконец-то с нами. Долго же вы нас держали в напряжении.

Она подошла ближе, мельком взглянула на мужчину, потом снова на меня и пробежалась глазами по планшету.

— Ну что я могу сказать. Анализы хорошие, показатели стабильные. Давление в норме, кислород в крови на отличном уровне. Все действительно идет на поправку. Операции прошли успешно, состояние средней тяжести, но уже без угрозы. Особенно сейчас, когда вы пришли в сознание. Это очень, очень хороший знак.

Я слушала ее, не вникая в слова, будто все происходящее касалось кого-то другого. Чужие голоса, чужие лица, чужие факты. Как фон в фильме, который ты включил просто чтобы не было слишком тихо.

Медсестра вдруг обернулась к мужчине с легким вопросом во взгляде, он коротко кивнул, и я успела увидеть, как изменилось его выражение лица на более хмурое и сосредоточенное.

Женщина опустила планшет, сделала шаг ближе, и голос ее стал чуть тише и серьезнее:

— Я обязана рассказать все, чтобы вы понимали свое текущее состояние. Простите, если это покажется резким... — она сделала паузу, словно подбирая слова. — Было серьезное внутреннее кровотечение. Множественные повреждения в области малого таза. Особенно пострадала правая маточная труба: мы диагностировали полный разрыв тканей, и нам пришлось ее удалить.

Я замерла, боясь даже вдохнуть, но еще ничего не успела понять. Не успела даже подумать.

— Кроме того... — медсестра снова бросила взгляд на мужчину, затем снова посмотрела на меня, сочувственно и поддерживающе, — вы потеряли ребенка. Мы не смогли его спасти. Мне очень жаль.

Мир вокруг будто в мгновение рухнул. Звук стал глухим, как под водой, дальше ее слов я уже не слышала.

Какой ребенок? Я не была беременна. Никогда не была.

Я открыла рот, но ничего не сказала. Только смотрела на нее с ужасом, с непониманием, с острым, режущим страхом, который подступал к горлу, как рвота.

— Я... — прошептала я, но не закончила.

— Я понимаю, это очень тяжело, — медсестра снова заговорила мягко, почти по-матерински. — Но вы справитесь. Вы в надежных руках. Вас все очень ждали.

Она еще раз взглянула на мужчину — с сочувствием, с уважением, может, даже с печалью.

— Я оставлю вас наедине. Зайду позже, — добавила она почти шепотом и вышла, обращаясь то ли к кому-то из нас, то ли к обоим сразу, тихо прикрыв за собой дверь.

В палате стало еще тише, чем было.

Он молчал долго. Просто сидел, все также не отводя от меня пристального, внимательного, но не тяжелого взгляда. Будто что-то искал в моем лице, сравнивал с кем-то давно знакомым.

Наконец он заговорил. Голос был низкий, немного хриплый после сна, спокойный, но в каждом слове чувствовалась усталость, копившаяся, должно быть, годами.

— Мне жаль. Правда. Я знаю, как ты надеялась...

Я с трудом приподнялась на подушках и покачала головой. Он все еще говорил, но мне казалось, я слушаю не его, а эхо чьей-то чужой жизни.

— Простите, — перебила я его почти шепотом. — Но я... я не была беременна. Это какая-то ошибка.

Он слегка нахмурился, словно не сразу понял, о чем я. Потом глаза его потускнели еще сильнее, и уголки губ дернулись, будто он пытался что-то сказать, но передумал.

— Я понимаю, — все-таки медленно выдохнул он. — Я знаю, как больно проходить через это снова. Знаю, каково это — потерять. Надеяться, а потом... ничего. Я рядом, я тоже чувствую это.

Он опустил взгляд, на мгновение закрыл глаза.

— Прости, если все это моя вина. Я иногда думаю, что зря настоял на ЭКО. Наверное, нужно было остановиться раньше. Просто оставить все, принять. Но ты же тоже не хотела сдаваться. И я думал, что мы сможем бороться до конца.

Слова летели в меня, как камни. Я слышала их, понимала каждое и в то же время ни одного, потому что все они были не обо мне. Я никогда не проходила через процедуру ЭКО, не хотела завести ребенка, не планировала беременность. Я не была той женщиной, с которой он разговаривал. А мужчина все равно смотрел на меня так, как будто был уверен, что я — та самая.

И в какой-то момент стало совсем невыносимо.

— Кто вы? — наконец прошептала я. — Простите, но... кто вы такой?

Он замер. Молчание, что повисло между нами, стало вдруг плотным, тяжелым. Глаза его чуть расширились, но в них не было злости или обиды, только глубокое, обжигающее непонимание.

— Лена... — выдохнул он. — Ты не узнаешь меня?

И от этих слов по моей коже пробежал холодок. Почему он зовет меня Лена? Меня зовут Алина...

Максим

Палата казалась слишком большой и слишком пустой. Слишком тихой, чтобы в ней могло твориться что-то настоящее. В одном углу расположилась пустая больничная кровать, застеленная так ровно, будто ею никогда не пользовались. В этой ровности и тишине казалось, что время здесь остановилось, застыв на самом горьком моменте.

На другой кровати лежала она, совсем не шевелясь, как будто попала в сон, из которого нельзя было пробудиться. Лена, моя жена, моя единственная, моя радость и боль оказалась в искусственной коме. Мозг в порядке, врачи говорили это с надеждой, но в моем сердце все переворачивалось оттого, что она не могла сказать мне сейчас ничего.

Я сидел рядом, упрямо не отводил глаз, пытаюсь найти хоть что-то живое в ее лице, в ритме ее дыхания. Ее руки, когда-то такие нежные и теплые, теперь лежали безжизненно, словно перестали принадлежать этому миру. Я понимал, именно этими руками она удерживала меня, держала нас, когда мы боролись с этим всем вместе. Не буквально, конечно.

Потеря ребенка должна была стать новой страшной черной дырой в нашей жизни. Но не первой, и даже не второй: уже была внематочная беременность и выкидыш на позднем сроке, сопровождаемый абсолютным бессилием врачей. Каждый раз мы пытались держаться, держать друг друга. Но теперь, когда она в этом состоянии, я чувствовал себя виноватым. Виноватым в том, что мы позволили себе отдалиться, в том, что последние месяцы мы жили словно чужие, лелея лишь мечту о ребенке, как о чем-то, что позволит жить, как прежде.

Вместо того чтобы бороться вместе, мы замкнулись в себе. Я слишком много работал, слишком много говорил о делах и слишком мало думал о ней. Я перестал слушать, перестал пытаться понять, а может, просто боялся понять, как глубоко она страдает. Единственным, что связывало нас, была эта безмолвная боль потери, эта пустота внутри, которую мы не могли заполнить, и едва теплящаяся, почти остывшая надежда о будущем.

Если бы я был рядом сильнее, если бы я не позволил нашей любви раствориться в будничной суете и страхах, может, сейчас все было бы иначе. Может, я бы видел, как она улыбается, как дышит, как живет, а не лежит здесь, в этой тишине и покое, который не похож на жизнь.

Я боялся, что потерял ее навсегда. Но где-то глубоко внутри жил проблеск веры в лучшее. Ее мозг был цел, а значит, шанс еще оставался. И я держался за этот шанс, как за последнюю ниточку, которая могла связать нас обратно.

Я взял ее руку в свою и тихо прошептал:

— Лена, пожалуйста... проснись. Мы еще не закончили.

И молчал, слушая лишь наше дыхание и звуки больницы, которые казались одновременно далекими и неотвратимыми.

Я не мог поверить себе, когда она, наконец, открыла свои глаза, которые казались такими чужими, но все же были ее. Это был самый счастливый момент за эти бесконечные дни и ночи, что я провел у ее постели. Я сжимал ее руку, боясь дышать слишком громко, боясь, что этот миг исчезнет, как сон. Но когда медсестра оставила нас наедине, я не знал, что говорить.

— Мне жаль. Правда, — я прошептал, едва ли не дрожа. — Я знаю, как ты надеялась.

Она смотрела на меня, но в ее взгляде не было прежнего узнавания, но было что-то другое, похожее на растерянность и замешательство.

Я пытался улыбнуться, попытаться донести до нее все, что чувствую, но она будто не знала, кто я.

Сердце сжалось, и я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Я старался быть сильным, но внутри меня билось море страхов.

— Подожди, — попросил я, когда услышал ее вопрос — я сейчас придумаю, что делать.

Я осторожно отпустил ее руку и вышел из палаты, чтобы найти врача. Когда я рассказал о том, что она проснулась, но, кажется, не узнает меня, доктор тяжело вздохнул.

— Это может быть краткосрочной потерей памяти, — сказал он серьезно, — После нескольких операций, комы это достаточно часто встречается. Но нам нужно провести еще несколько обследований, чтобы исключить серьезные проблемы.

Я кивнул, но меня раздирала тревога. Палата казалась сейчас для меня еще более чужой, чем раньше. Там лежала моя жена, которая была рядом, но словно исчезла. Женщина, с которой мы провели вместе больше пятнадцати лет, словно не проснулась окончательно и, возможно, могла и вовсе не вернуться до конца.

— Я буду рядом, — уверенно сказал я врачу, точно зная, что готов бороться изо всех сил. — И сделаю все, чтобы она вспомнила меня.

Врач улыбнулся сквозь усталость:

— Тогда дайте ей время. И наберитесь терпения.

Я вернулся в палату, пытаюсь найти силы в своей любви, которая вдруг стала таким хрупким и тонким мостом между нами, норовящим исчезнуть в одно мгновение.

Друзья, спасибо, что обратили внимание на эту книгу. Но если вы хотите почитать про более классическую попаданку — приглашаю вас в другую мою книгу:

«Графиня на перевоспитание» — <https://litnet.com/shrt/9yud>

Иллюстрации. Максим и Елена Сотниковы. Визуализация

Лена, в тело которой попала Алина.
 Уставшая, потерявшая вдохновение, в самый кризисный этап жизни.

Максим.

Глава вторая

Алина

Меня выписали рано утром. Медсестра аккуратно помогла одеться, все происходило с таким деликатным сочувствием, словно я была стеклянной. Врач долго говорил, явно не желая меня отпускать без самых подробных наставлений. Просил быть осторожной, ограничить активность, не перегружать себя, особенно электроникой: никаких телефонов, планшетов, телевизора поменьше. Лекарства строго по расписанию, повязки менять дома, по его инструкции. И, главное, приезжать на осмотр дважды в неделю.
 Я кивала, как отличница, хотя даже самые простые правила нашей жизни пока что казались непонятными.

Максим ждал в коридоре, и когда я вышла, он сразу поднялся с кресла. Смотрел так, будто не верил, что я действительно иду. Я шла медленно, сдерживая каждое движение, чувствуя себя глупо и неуверенно, как будто училась ходить заново. Он шагнул ко мне, желая подхватить, как сделал бы любой заботливый муж, но вовремя остановился. И я оценила это больше, чем любые слова. Не потому, что не нуждалась в поддержке — нуждалась, еще как. Просто потому, что он дал мне пространство, дал мне возможность привыкнуть к нему без какого-либо вынужденного контакта.

На улице было неожиданно тепло. Максим открыл передо мной пассажирскую дверь и помог сесть.
 Машина была словно из другого мира. Кожаный салон, мягкий запах чего-то дорогого и почти неуловимого, огромный простор и сиденье, в которое я буквально провалилась, утопая в комфорте. Это была не просто дорогая машина, в ней все было про удобство.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно, глядя, как мимо проносятся город, и все казалось чужим. Я не возвращалась домой, а уезжала куда-то в новую жизнь, в которой мне еще только предстояло разобраться, кем я вообще являюсь.

Максим держал руль одной рукой. Время от времени я ловила на себе его внимательный взгляд. Он хотел что-то сказать, это чувствовалось, но не говорил. И я не говорила. Молчание между нами было плотным, но не враждебным. Просто осторожным.

— Ты... ты всегда водишь сам? — вырвалось у меня. Голос звучал тихо, чуть хрипло. В новом теле еще было слишком непривычно говорить.
 Максим повернул голову, краем губ усмехнулся и ответил после небольшой паузы:
 — Почти всегда. Нравится контролировать дорогу.
 Я кивнула, хотя в его словах услышала куда больше, чем просто про вождение.

— Машина... удобная, — добавила я, чтобы не дать разговору затихнуть.
 — Рад, что нравится, — сказал он чуть мягче. — У нее подвеска хорошая. Не трясет. Надеюсь, тебе комфортно.
 Он тянулся ко мне своим вниманием и заботой, от этого было неуютно и тепло одновременно, как если бы чужой человек, совершенно незнакомый, вдруг оказался самым чутким и понимающим среди всех близких тебе людей.

Я отвернулась к окну, боясь, что он заметит, как странно мне оттого, что он рядом. Такой нежный, сдержанный и — как ни странно — родной в этой неловкой тишине.
 Я не знала, как быть его женой, но я знала точно — сейчас я слишком устала, чтобы думать о будущем. И он, похоже, понимал это, поэтому не давил. Оставалось надеяться, что его терпения хватит надолго.

Когда мы свернули с асфальтированной дороги и медленно покатались по ухоженной гравийной дорожке, мое сердце начало биться быстрее. Впереди вырос дом — высокий, светлый, трехэтажный особняк с большими окнами, черепичной крышей и аккуратным крыльцом. Он не был вычурным или напоказ богатым, напротив, в его архитектуре чувствовалась какая-то сдержанная, уверенная простота.
 Вокруг — ровный зеленый газон, пара кленов по краям, кусты лаванды вдоль дорожки и небольшая стеклянная пристройка сбоку, кажется, оранжерея. И даже открытый бассейн с той самой идеальной голубой водой, как на картинках! Уличная

мебель — лежаки, зонт, кованный столик — казались не «показушными», а вполне настоящими, хоть и ранее мне недоступными.

Я остолбенела.

Это было похоже на кадр из «Отчаянных домохозяек» или какого-нибудь другого глянцевого сериала, который я любила смотреть по вечерам, закутавшись в плед и мечтая не столько о богатстве, сколько о стабильности. О жизни, в которой можно пить кофе поздним утром на какой-нибудь красивой веранде (пусть и не своей) и никуда не торопиться. Где есть сад и муж, который сам водит машину и заботится о тебе.
Тогда казалось, что такие люди живут где-то за тридевять земель, где-нибудь в Америке. Но вот я здесь, сижу в кожаном кресле машины, и этот роскошный дом вроде как мой.

Максим притормозил и выключил двигатель.
— Ну что, приехали, — сказал он, поворачиваясь ко мне.

Я не ответила, во рту пересохло. Я продолжала смотреть на дом, чувствуя что-то странное. Из ниоткуда возникло ощущение, что я уже была здесь.
Я знала, что за этим крыльцом расположилась прихожая с высоким потолком и лестницей, и слева кухня, большая и светлая, с окном над раковиной, как в пинтересте. Я знала, что на втором этаже спальни, а на третьем — детская с восхитительным мансардным окном.
Я все это знала, хотя видеть этого раньше не могла. Или все-таки могла? Кто сегодня вернулся в этот дом — Алина или Лена?

Но вообще я будто бы видела этот дом во сне.
Нет, не будто бы. Точно видела. Я попала в какую-то сложную, непонятную шутку, где все уже происходило, но не с тобой.

Максим открыл дверь и подал мне руку, помогая выбраться из салона.
Я встала медленно — ноги еще не до конца слушались, тело казалось не моим (хотя, оно на самом деле было не моим), но взгляд не отрывался от дома.
— Ты в порядке? — спросил он тихо.
Я кивнула.
— Просто дом красивый. И знакомый. Я его уже видела.
— Знакомый? — мужчина удивленно поднял брови.
— Наверное, потому, что я здесь жила, — поспешила я поправиться, едва не сболтнув что-то глупое. — Все это кажется привычным.

Он чуть улыбнулся.
— Я надеялся, что тебе будет комфортно. Мы не успели толком... — он запнулся, — насладиться домом вместе.
Я только кивнула, чувствуя, как неуютно и одновременно странно тепло сжимается сердце.

Мы направились к крыльцу, и я заранее знала, в какую сторону открывается дверь. Я знала даже, что за ней будет аромадиффузор будет пахнуть ванилью, а лестница — свежей древесиной.

И все это пугало едва ли не больше, чем собственная оставленная жизнь.

Дом встретил нас мягким полумраком и ровно тем ароматом, который я и ожидала почувствовать. Я вошла нарочито медленно, как будто боялась потревожить чью-то память, оставшуюся в этих стенах.
Шаг — и вот она, лестница с широкими ступенями. Шаг — и кухня слева, белая, просторная, с этим чудесным окном над мойкой, в которое сейчас струился теплый свет. Я все знала. Не в смысле «помнила», а именно знала.
Каждый проход, каждый поворот, даже узор плитки у входа — все это отозвалось внутри меня странным ощущением дежавю, но все равно было чуждо.

Дом, каким бы уютным он ни был, казался роскошным до абсурда. Полы — паркет, покрытый коврами в приглушенных, дорогих оттенках. Стены — с картинами, явно настоящими, не репродукциями. Пледы на креслах, из тех, что стоят нескольких месячных стипендий, а то всех разом. Даже вешалка у двери, кованая, винтажная, будто из старинного бутика.
Я чувствовала себя, как человек в музее или в чужом сне. Где ты вроде как персонаж, но все же лишний.

— Максим... — я остановилась, оборачиваясь к нему. Он как раз ставил мои сумки у лестницы.

Он поднял голову:
— Да?

— У тебя... у меня есть планшет? Или телефон. Или ноутбук. Мне очень надо что-то проверить. Что-нибудь простое. Я хочу убедиться, что этот мир настоящий. Что я не сошла с ума. Или хотя бы понять, где я и кто.

Он подошел ближе, глаза мягкие, понимающие:
— Доктор просил пока не перегружать себя техникой, ты помнишь? Глаза, нервная система, адаптация...

— Я помню, — быстро сказала я, чуть виновато. — Я не буду долго. Просто... Пожалуйста.

Максим кивнул:
— Хорошо. В комод у входа твой телефон. Он лежит в подставке. Чехол с цветами, ты его расписывала сама, — он задержался взглядом на моем лице, и что-то в нем дрогнуло. — А ноутбук в спальне, в тумбочке. Там же ключ от твоей мастерской.

— Мастерской?

— Той, где ты рисуешь. Твоя мастерская, Лена. Ты проводила там почти все время, когда Варя в садике, — он замолчал, как будто испугался, что сказал лишнего. — Я могу тебе показать потом. Когда захочешь.

Я кивнула, слова показались лишними, всего и так было слишком много.

— Располагайся в нашей спальне, — сказал он чуть позже, провожая меня на второй этаж. — Я устроюсь в гостевой, не хочу тебя смущать. Все слишком... новое, я понимаю.

Я снова кивнула, не найдя в себе сил ни спорить, ни благодарить. Просто прошла по коридору к спальне, все так же удивляясь тому, как заранее знала расположение комнат. За дверью скрывалась светлая комната с широкой кроватью, уютным креслом у окна и тумбочкой с двумя книгами и вазочкой с сухими лепестками роз.

Я села на край кровати, опустив руки на колени. Меня одолевала усталость, мир казался слишком большим, слишком реальным, и одновременно искусственным. Как будто вся эта красивая жизнь вот-вот рассыплется, если я моргну слишком резко.

Я вытащила ноутбук из тумбочки, поставила его на колени, нажала на кнопку. Экран вспыхнул, замигал и выдал окно с паролем.
Четыре кружочка и ни малейшего понятия, что туда ввести.

Я уставилась в экран и вдруг почувствовала, как к горлу подступает что-то плотное и жгучее.
Паника? Грусть? Неуверенность?
Нет, это было что-то другое. Бессилие, самое страшное чувство из всех, что я испытывала. Я сидела в спальне, в доме, который будто бы знала, но не понимала, кем в нем должна быть. И даже гребанный ноутбук теперь отказывался со мной разговаривать.

Пришлось идти за паролем.

Я вышла в коридор и остановилась у соседней двери, догадываясь, что за ней и находится гостевая спальня, куда Максим пообещал переселиться. Стучать показалось странным, будто я в гостях у соседа, а не в доме, где, по его словам, когда-то жила. Я все же негромко, но настойчиво постучала.

— Входи, — отозвался он почти сразу, голосом немного хриплым, будто только что пил воду и едва не поперхнулся или молчал слишком долго.

Я открыла дверь. Комната оказалась уютной, и хотя обставлена не так роскошно, как основная спальня, но в ней было что-то теплое. Максим сидел на краю кровати, босиком, с запущенным ноутбуком на коленях — как и я минутой ранее. Он оторвался от экрана и посмотрел на меня внимательно, будто сразу понял, зачем я пришла.

— Прости, — начала я с порога. — Я не могу включить ноутбук. Не знаешь ли ты, случайно, пароль?

Он смотрел молча секунду, другую, а потом коротко бросил:

— День свадьбы.

Я замерла, ожидая продолжения. Но ничего не последовало, он просто смотрел на меня, спокойно, с той же неизменной мягкостью, но молчал. Только спустя мгновение в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на осознание.

— Ты не помнишь, да? — уточнил он тихо, почти с извинением.

Я покачала головой.

Он вздохнул и встал, отложив свой ноутбук в сторону: — Десятое апреля. Десять-ноль-четыре. Попробуй.

Я поблагодарила кивком головы и, не говоря больше ни слова, вернулась в спальню. Снова устроилась на кровати, поставила ноутбук на колени. Пальцы заплесали по клавишам: один, ноль, ноль, четыре, Enter. Экран на мгновение потемнел и снова включился. Я увидела рабочий стол с каким-то морским пейзажем, папки с привычными названиями: «Фото», «Работа», «Рисунки».

Я сделала глубокий вдох и открыла браузер. Руки дрожали, когда я набирала знакомый адрес почтового сайта. Затем мой логин, пароль тоже мой, из той жизни, где я была студенткой и рисовала ночами под звуки старого вентилятора. Нажала «Войти».

И почта открылась.

Никакой ошибки, никакого «неверный пароль». Меня пустило. Это на самом деле была я. Меня действительно звали Алиной. Я существовала. Моя память была не выдумкой, не сном, не следствием травмы. Все, что я помнила о себе, было настоящим.

Входящие встретили меня рутинной: рассылки с книжных сайтов, реклама художественных курсов, два старых письма из блога одноклассницы, которую я когда-то добавила в «Избранное». Ничего значимого.

Я медленно выдохнула и вышла из аккаунта. Закрывает ноутбук.

Смысла в расспросах не было. Я нашла главное — доказательство. Я все-таки не сошла с ума. И этого, пожалуй, в этот день было вполне достаточно.

Максим

В гостевой спальне стояла тишина, слышалось только легкое гудение вентиляции и редкие щелчки клавиш под моими пальцами. Я сидел на кровати с ноутбуком, уже битый час пытаюсь разобраться с заваленной почтой, срочными задачами, просроченными контрактами. После аварии все встало. Я выключился из жизни, выдернутый с корнем и выброшенный в совершенно иную реальность, ту, где человек, которого ты любишь, не узнает тебя.

Каждое письмо в почте казалось неважным. Все это — партнеры, счета, встречи — блекло перед образом Лены, лежащей в стерильно белой больничной постели, с пустым взглядом, будто мир вокруг нее исчез. Только мне приходилось возвращаться в реальность, к делам и к рутине, как будто ничего не случилось.

Когда в дверях появилась она, я почувствовал странную дрожь, как от слишком чувственного взгляда на первом свидании, как от чего-то неуместного и в то же время такого нужного. Ее походка была осторожной, неторопливой, как будто каждое движение давалось с усилием.

— Прости, — сказала она тихо. — Я не могу включить ноутбук. Не знаешь ли ты случайно пароль?

Я отвел взгляд от экрана. Не знаю, почему, но ответ пришел автоматически, как по инерции.

— День свадьбы, — бросил я почти машинально.

И только когда я понял, что тишина затянулась, то поднял глаза и посмотрел на нее. Лена стояла, не моргая, не дыша, как будто ждала еще чего-то.

Конечно. Как я мог забыть? Она же ничего не помнила.

— Ты не помнишь, да? — выдохнул я, уже мягче, с тяжестью в голосе. Как будто вновь потерял ее. И, видимо, мне еще придется терять ее снова и снова.

Она покачала головой.

Я сглотнул и сказал:

— Десятое апреля. Десять-ноль-четыре. Попробуй.

Она кивнула и молча ушла, так же тихо, как и пришла.

Я остался сидеть, глядя в экран, не видя уже ни строчек писем, ни цифр. Только стыд, ком вины под кожей, где-то в районе сердца. Черт, почему я сказал это так? Почему будто бы обиделся, на то, что она не помнит собственную свадьбу?

Она ведь не помнит не только это. Она как будто заново очнулась в этом теле, с новым сознанием, с голосом моей Лены, но с каким-то другим светом в глазах. Я пытался быть спокойным, вежливым, заботливым. Но все внутри меня разбивалось и я чувствовал только боль, усталость и растерянность. Складывалось ощущение, что я чужой в этом доме и в ее жизни.

Я долго сидел, вглядываясь в пустой экран, пока не осознал, что держу ноутбук на коленях просто так, машинально. Все внутри кричало, что мне нужно быть рядом с ней. Не как сиделка, конечно, а как муж, как человек, который, возможно, еще может вернуть ей что-то родное через запахи, вкусы. Через привычки, которые раньше были нашими.

Я закрыл ноутбук. Работа подождет, семья — нет.

Я поднялся, прошел по коридору и спустился вниз по лестнице. Кухня встретила меня идеальной чистотой — помощница приходила пару раз в неделю, чтобы дом не утонул в пыли и хаосе, но кухня всегда была нашей территорией. Именно здесь, по воскресеньям, мы готовили вместе. Что-то простое, но с претензией на уют и вкус.

Я поставил воду на плиту, достал яйца — свежие, фермерские, они всегда были в холодильнике по умолчанию. Варить яйца пашот я научился именно с ней. Лена смеялась, когда у меня впервые все растеклось. Потом мы вдвоем вывели идеальную формулу: кипяток, уксус, воронка, сделанная ложкой, и ровно три минуты на слабом огне. Сейчас руки сами делали все, мне почти не нужно было напрягаться.

Пока яйца плавали в едва заметном вихре воды, я поджарил спаржу. Немного оливкового масла, чуть морской соли, капля лимонного сока — вроде все просто, но аромат... Аромат напоминал атмосферы утреннего кафе в Провансе. Пара ломтиков чиабатты в тостере, идеальное хрустящее дополнение.

Нашел чай с мятой и лепестками апельсинового цвета. Лена его любила, запах у него был тонкий, как утро в саду. Заварил в небольшом чайничке, который она когда-то привезла из поездки. До сих пор помнил: «У него носик, как из мультика!» — смеялась она.

На блюде оказались тонкие ломтики манго, клубника и груша — все куплено заранее, чтобы было что-то легкое, если она вдруг захочет есть.

Я накрыл стол у окна, выходящего в сад. Открытая дверь впускала свежий воздух, доносила запах сирени с дальнего куста и пение птиц. Хотелось, чтобы ей было спокойно. Чтобы здесь, среди этих простых удовольствий, она почувствовала себя хоть чуть-чуть дома.

Я взглянул на аккуратно сервированный стол: тарелки с яйцами и спаржей, чашки с дымящимся чаем, фрукты в керамической миске. Все выглядело просто. Но в этой простоте и была вся наша прежняя жизнь. Или то, что от нее осталось.

Теперь оставалось только позвать ее и надеяться, что она захочет разделить этот поздний завтрак со мной.

Я поднялся по лестнице, постучал в дверь спальни, но она была приоткрыта, и я заглянул внутрь, не дождавшись ответа.

Лена лежала поперек кровати, будто упала вот так и не захотела двигаться. На ее коленях покоился закрытый ноутбук. Она открыла глаза, заметила меня и почти мгновенно села, собираясь встать, но резкий жест выдал слабость, лицо исказилось от боли или, может, просто от неловкости.

Я чуть не шагнул к ней, готовый поддержать, но вовремя остановился. Она справлялась, и я не имел права отнимать у нее эту возможность.

— Я приготовил перекусить. Ты ведь тоже еще не завтракала, — сказал я мягко, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Спускайся, если захочешь.

Она кивнула, не глядя на меня, сделала паузу, а потом вдруг сказала: — Знаешь, что странно? Я помню, где кухня.

Голос ее был почти удивленным, без тени укора, но все внутри у меня все равно сжалось. Простой факт, без обид, а звучал так, будто я лишний, а дом чужой для нас обоих.

Я молча кивнул и, не дожидаясь, вышел, оставив дверь все также слегка приоткрытой. Признание, даже такое маленькое, я воспринял как просьбу: «дай мне немного времени».

Спустился вниз, убрал лишнее со стола, поправил тарелки, снова взглянул на все, что приготовил, неловко поежился. Наверное, перебор. Спаржа, яйца пашот, мята с лепестками цветов. Все это вдруг показалось претенциозным.

Но она пришла и пришла быстро, гораздо быстрее, чем я ожидал. Я обернулся, услышав ее шаги. Лена стояла на пороге кухни и смотрела на накрытый стол широко раскрытыми глазами. Как ребенок, впервые увидевший витрину с пирожными.

Я не знал, что сказать, растерянно провел рукой по волосам и зачем-то извинился: — Я... особо времени не было, просто постарался сделать то, что ты любишь.

Глупо, прозвучало как будто это оправдание, но других слов не нашлось.

Она села напротив, осторожно, словно боялась проснуться после слишком яркого сна. Взяла вилку, попробовала яйцо, спаржу. Я наблюдал за каждым ее движением, стараясь не выдать, насколько напряженно вглядываюсь в выражение ее лица.

— Это... — она отложила вилку и посмотрела на меня, будто удивленно. — Это действительно вкусно. Я думала, что спаржа горькая. А она... она напоминает сладкий горошек.

Я едва заметно усмехнулся и опустил взгляд: — Ты всегда так говорила. Точнее, сперва тоже думала, что не любишь, а потом... в общем, привыкла.

Она не ответила, только продолжила есть. Мы какое-то время молчали, но это молчание было другим, почти уютным. Все-таки разделенная трапеза сближает людей. Я начал говорить. О чае, о мяте, которую она сама сушила прошлым летом, о хлебе, который мы вместе пекли в ту длинную зиму, когда Варя была совсем маленькой. Поймал себя на том, что говорю не для проверки, не в надежде услышать подтверждение, что она помнит. Я просто хотел, чтобы она узнала больше.

Но вдруг она замерла. Взяла чашку, не отпивая, и тихо спросила:

— Максим... ты же говорил про дочь. Где она?

Я не сразу ответил. Ком, который, как я надеялся, почти исчез, снова встал в горле, и все звуки вокруг стали тише. Я опустил глаза на стол, рассматривая белую керамику тарелки, зеленый отвар в чашке. Все показалось неважным. Воспоминания о свадьбе, о завтраках, тем более о чертовой спарже — все это ничто рядом с этим вопросом.

Как можно забыть ребенка?

Каково это — понять, что у тебя есть дочь, но ты не помнишь ее лица, ее голоса, как она плачет и смеется. Как она говорит «мама».

И каково будет Варе, когда она вернется и увидит, что мать смотрит на нее, как на незнакомку.

— Варя у бабушки с дедушкой, — наконец сказал я. — У моих родителей. Мы подумали, что тебе нужно сначала немного восстановиться. Привыкнуть ко всему.

Лена в очередной раз за этот день молча кивнула, видимо, не найдя слов, и я снова понял, как мало могу для нее сделать.

Глава третья

Алина

Максим посмотрел на часы, чуть сдвинул брови и тихо вздохнул. — Мне все-таки нужно еще немного поработать, — сказал он, опуская чашку в раковину. — Но ты, пожалуйста, не стесняйся. Это твой дом. Если захочешь чего-то — просто спроси. Или возьми. Все, что тебе нужно, точно найдется где-то поблизости. Я не придумала, что на это ответить. Он повернулся ко мне, вытер ладони о полотенце и добавил, уже мягче: — Скоро мы что-нибудь придумаем. Чтобы тебе было легче. Чтобы это все... не казалось таким чужим.

Я кивнула. Все еще не знала, как правильно на это ответить, но его голос звучал по-настоящему искренне — не вежливо, не механически, а с каким-то живым теплом. — Хорошо, — тихо сказала я и уселась на край дивана, наблюдая, как он убирает со стола, аккуратно складывая тарелки, вытирая рабочую поверхность. Он явно не ждал от меня благодарности, а просто привык доводить дела до конца.

Когда он наконец вышел из кухни, я проводила его взглядом и, немного поколебавшись, все же сказала: — Удачи с работой. Пусть будет плодотворно.

Он остановился, повернулся не сразу, будто не понял, к кому обращаются или не поверил, что это я заговорила с ним. Его лицо выражало растерянность, но в нем не было напряжения, только легкое удивление. — Спасибо, — отозвался он и, все еще немного оборачиваясь через плечо, ушел наверх.

В доме снова стало тихо. Я осталась одна, в мягком воздухе чужой кухни, среди запахов еды, чайного пара и светлых отражений на столешнице. Я немного посидела на месте, прислушиваясь к этой тишине. Она была не гнетущей, скорее полной, насыщенной, как будто дом выдохнул вместе со мной, избавившись от утреннего напряжения. Наверное, мне действительно следовало освоиться. Хотя бы немного. Понять, где я теперь, что мне оставлено, чем я могу дышать.

Я вышла из кухни, прошла по холлу и поднялась наверх — мимо своей спальни, на третий этаж, хотя сама не совсем понимала, зачем. Просто хотелось уйти чуть дальше, туда, где точно никто не ждет. Где пространство, возможно, останется неподвижным при моем приближении, не возмутится и не попытается меня оттолкнуть.

Наверху было неожиданно светло — в крыше действительно располагались мансардные окна, такие, какими я их себе и представляла, и через них лился ровный дневной свет, чуть приглушенный от запылившихся стекол.

Комната, в которую я заглянула, была не просто красивой, она была почти сказочной. Большая кровать под тонким балдахином, свисающим с кольца под потолком, на стенах развешены пастельные рисунки, где-то облака, где-то звезды. Плюшевые игрушки выстроились по краям комнаты, отдельно виднелись деревянная полка с книжками, корзина с нарядными кукольными платьями, мягкий ковер с рисунком лунной дорожки. А в углу гордо стоял детский вигвам, украшенный гирляндой из маленьких фонариков, и под ним подушки, открытые книжки, мишка, кукла в белом платье.

Я не входила, только стояла на пороге, и мне хватало этого. Что-то внутри дрогнуло — слишком глубоко, чтобы осознать сразу. Как будто не мое сердце, но все равно где-то внутри меня. Такое щемящее чувство, как в детстве, когда очень хотелось вернуться домой, но ты еще стоял на пороге чужого.

Я не пыталась ничего трогать. Не села на кровать, не поправила мягкое одеяло, не заглянула в ящик с карандашами. Все здесь казалось... нет, не чужим. Скорее, священным. Невозможно было нарушить эту тишину, это бережное дыхание пространства, наполненного детством.

Мне не принадлежали ни эти стены, ни вещи, ни игрушки, но тоска, которая подступила к горлу, была почти осязаемой. И дело было не в воспоминаниях. Я не могла вспомнить эту комнату в деталях или себя в ней. Не могла вспомнить девочку, которой она принадлежала.

Но все равно знала, что должна.

Материнское внутри меня отозвалось так остро, что я на секунду оперлась о дверной косяк, чтобы не сделать шаг внутрь. Не коснуться. Не выдать себя. Потому что если бы я вошла, могла бы не выдержать.

Я спустилась обратно, ступая мягко, словно боясь потревожить этот день. Все еще чувствовала себя гостьей, той, кто не знает, в какую сторону можно повернуть без разрешения. Но ждать больше не хотелось. Я понимала, что каждое мгновение промедления отдаляет меня от самой себя — от той, кем я была, от той, кем, возможно, должна стать. А может, просто от ответа на самый важный вопрос: кем мне теперь быть.

Я вернулась в спальню и выдвинула ящик прикроватной тумбочки. Ключ лежал точно там, где и сказал Максим.
Я взяла его в руку. Он оказался тяжелым, металлическим, теплым от как будто полированного веками покрытия. Удивительно красивым — старинным, будто снятым с двери библиотеки какого-нибудь викторианского поместья. Такой не отпирает банальные замки на велосипеде или почтовом ящике. Такой открывает что-то большее. Что-то личное.
Что-то настоящее.

Я зажала его в ладони, крепко, как будто от этого зависело мое равновесие, и вышла в коридор.

На первом этаже, чуть в стороне от холла, была та самая дверь. Я заметила ее еще утром — простая, деревянная, почти ничем не выделялась, разве что сама ее закрытость привлекала внимание в доме, где все остальное дышало воздухом и светом.

Я подошла ближе, остановилась.
Пальцы сжали ключ.
Он и впрямь казался слишком серьезным для чего-то обыденного. Как будто открывал не просто помещение, но и пространство, которое хранит память.

Может, в том, что за этой дверью, мне удастся найти хоть частицу Елены. Встретиться с ее взглядом. Услышать ее дыхание.
Или, наоборот, — то, что поможет мне стать собой, даже здесь, в ее теле, в ее жизни.

Я набрала в легкие побольше воздуха и вставила ключ в замок.

Максим

Я перенес ноутбук в кабинет: наконец-то решил, что нужно заставить себя собраться. Хоть немного. Хоть на полдня.
Комната была небольшой, но я сам обставлял ее с нуля: теплое дерево, приглушенный свет, высокий книжный стеллаж до потолка, мягкий диван у стены и круглый пуфик, который с откинутой крышкой превращался в странный, но жутко удобный массажер для ног.
Дом был большим, и я легко мог выбрать кабинет попросторнее, но мне здесь нравилось. Здесь было тише всего и прекрасно работалось.

Поставил ноутбук на стол. Потянулся, сцепив пальцы в замок, лопатки хрустнули в суставах, как будто возмущались внезапной активностью.
Сел, провел ладонью по лицу. Хотел хотя бы пару часов проработать спокойно, но не успел даже открыть почту.

На экране всплыло уведомление: «Видеозвонок — мама».
Я без колебаний нажал «ответить».

— Алло, — голос у меня все еще был хриловатым после долгого молчания.

На экране появилась мама. Она сидела на кухне, на фоне мелькали знакомые обои с цветами и стул с пестрым чехлом, который когда-то Варя с помощью Лены расшила пайетками.

Где-то сбоку слышался Варин смех.
И еще чей-то голос — низкий, чуть глуховатый: отец. Наверняка играли в «Таможню», одну из Вариных любимых игр. Она всегда изображала сурового офицера, требовала «паспорт и декларацию» даже у плюшевых мишек.

— Максим... — голос мамы казался мягким, но настороженным. — Ну что? Забрал Леночку? Как она? Как вы вообще?

Я выдохнул. Нужно было что-то сказать ободряющее, но не фальшивое. И в то же время не слишком правдивое, чтобы не тревожить маму.

— Да, забрал. Она уже дома, — я попытался улыбнуться. — Потихоньку привыкает. Устала, конечно, но держится. — Бедная девочка... — мама покачала головой, глаза ее наполнились слезами, но она смогла совладать с эмоциями. — И ты там не забывай, что ей сейчас особенно тяжело. Все новое, память путается, сама не своя...

Я кивнул, снова сжал пальцы. Да как тут забудешь. Особенно когда она смотрит на тебя и будто видит впервые.

Мама отвлеклась на секунду — Варя что-то кричала. — Бабушка! Он вез контрабанду! У него носки с ананасами! — услышал я и невольно улыбнулся. Боже, как же я скучал по ней. По ее звонкому голосу. По этим нелепым обвинениям и категоричным приговорам.

— Варя как? — спросил я. — Хорошо. С дедушкой неразлучны. Но, конечно, спрашивает, когда домой. Скучает. Рисунок вот вчера нарисовала — вас троих. Подпись: «Скоро мы снова будем вместе».

Я сглотнул.

— Скоро будем. Обязательно. Мам... — голос сам по себе стал тише, будто что-то внутри сжалось. — А если... если она все-таки не вспомнит?

Мама на экране чуть прищурилась. Повисла пауза. Она вздохнула: коротко, как будто собиралась с ответом:

— Вспомнит, Максим. Конечно, вспомнит. Просто всему нужно время. — А если все-таки не вспомнит? Если мозг не восстановится? — вырвалось у меня. — Ну вот совсем.

Мама мягко улыбнулась. Это была та самая, устойчивая, почти упрямая улыбка, с которой она лечила все мои детские страхи.

— Значит, вспомнит сердцем, — произнесла она твердо. — А сердце, сынок, не обманешь. Оно знает, кого любит.

Я молча кивнул, как будто соглашался. Как будто поверил. Но где-то внутри скребло. А если все не так просто?

— Поцелуй Варю от меня, ладно? Я понимаю, что сотрудника таможни на смене лучше не отвлекать...

Мама рассмеялась, покачала головой, глядя куда-то в сторону — туда, где явно свирепствовала моя дочь в роли офицера.

— Обязательно. Все передам. Держись там, мой хороший.

Я кивнул и разъединил звонок.

И еще несколько минут просто сидел, уставившись в экран. Туда, где только что были знакомые стены, обои с цветами, Варин голос, мамины глаза.

И теперь осталась пустота. Рабочий стол. Несколько ярлыков. И все то, в чем я не понимал, с чего начать.

Но в итоге я все-таки поработал, погруженный в дела, почти два часа подряд, решая срочные задачи и отвечая на письма, которые не могли ждать. Медленно, но уверенно, я успевал закрыть самое важное, оставляя менее срочное на потом. Когда экран наконец померк, а пальцы устали от набора, решил сделать перерыв и проверить, как там Лена.

Заглянув сначала в спальню — никого. На кухне — пусто. Сердце слегка забилося сильнее: где же она? И вот, в самой глубине первого этажа, за приоткрытой дверью мастерской, я увидел ее.

Она стояла неподвижно, словно в оцепенении, перед огромным полотном, которое едва помещалось в комнате, изображенное пламя ярко горело на фоне бездонной черноты. Это

была ее последняя картина до аварии, и в каждом мазке красной краски чувствовалась живая энергия, страсть и тьма.

Я подошел тихо и заметил, как она осторожно касалась пальцами алых мазков, будто боясь разрушить что-то хрупкое. Она вздрогнула и, обернувшись, смутилась, как будто почувствовала себя застигнутой в момент слабости.

— Прости... — тихо выдохнула она, глаза избегали моего взгляда.

Я покачал головой, улыбаясь и стараясь передать спокойствие:

— Не стоит. Это твоя мастерская. Здесь нельзя извиняться, не за что. Это твой мир.

Она кивнула, словно на мгновение освободившись от тяжести, и с чуть более уверенным голосом призналась:

— Я хочу рисовать снова. Я люблю это.

Я взглянул на нее, и внутри что-то отозвалось — тревожный огонь, который я так жаждал почувствовать. Мне оставалось лишь улыбнуться и поддержать:

— Тогда рисуй. Это твоя сила, часть тебя. Я всегда рядом.

В этот момент я ощутил тихую радость, как будто смог увидеть тот самый свет в глазах жены — того самого человека, которого знал и любил. Это был знак, что жизнь продолжается. Или мне хотелось верить, что это был он.

Глава четвертая

Алина

Я долго не решалась вернуться в мастерскую. Несколько дней проходила мимо той самой двери, за которой прятался чужой — но отныне мой — огонь, пульсирующий мазками алой краски на черном холсте. Казалось, если войду вновь, что-то сломается. Или, наоборот, восстановится, но не в ту сторону. Не туда, куда хотелось бы.

Но этим утром было особенно тихо. Максим уехал по делам, оставив записку и привычно сдержанное в ней «не стесняйся, твой дом». Я бродила по коридорам с кружкой чая в руках, как по пустому театру после последнего акта. Все здесь казалось приостановленным, замершим, как будто дом ждал разрешения ожить.

Я остановилась у двери мастерской. Рука сама потянулась к ручке. Дальше оставалось лишь сделать несколько шагов. Сразу почувствовался узнаваемый аромат — масла, пыли, чего-то древесного, теплого, живого — и накрыл с головой. На стене все еще висело полотно с огнем, но теперь я смотрела на него иначе. Как будто не боялась. Как будто могла с ним говорить.

Кисти лежали в банке с высохшей водой, краски в металлических тубиках дремали на полке. Я выбрала одну — охра, будто наугад, выдавила немного на палитру. Все делала осторожно, боясь спугнуть магию момента, если вдруг она еще не исчезла сама.

Когда я взяла кисть в руку, меня пронзило странное чувство. Движение оказалось привычное, я ведь рисовала раньше. Но только не так. Не этой рукой. Не этим телом.

Первые мазки легли на холст неуверенно. Линия уводила не туда, куда я хотела. Пальцы дрожали, хотя я старалась держать кисть крепко. Внутри что-то разделялось: моя память и чужая привычка, мое ощущение цвета и другая, не моя, моторика. Словно инструмент, который я знала наизусть, вдруг стал звучать иначе. Тело помнило одно, мозг — совсем другое.

Я замерла, позволив себе просто смотреть за своими же действиями. В груди нарастала какая-то горькая тоска по себе той, прежней. По той, которая могла часами растворяться в творчестве, забывая и о времени, и о страхе неопределенного будущего.

Сейчас страх был всюду.

Чтобы перевести дух, я села на край диванчика у окна, оставив кисть в заново наполненной банке, не отмыв ее до конца. Рядом стояли наброски — чьи-то черновые портреты, букеты в мягком свете, детские игрушки, набросанные карандашом. Все это когда-то было чужим, и все это теперь было моим.

Я хотела рисовать. По-настоящему. Не потому, что *она* это любила, а потому что *я* это чувствовала. Где-то глубоко мое желание было искренним: под слоем сомнений, вины, страха быть не той. Я не знала, чем все это закончится. Но знала одно: я должна попробовать.

Кисть в руке все еще казалась чужой. Словно я держала не инструмент, а тонкую ветку, которую сорвала наугад в магическом лесу и теперь не знала, ударит ли меня молнией от соприкосновения с ней. Но когда очередной мазок лег на холст, рука больше не дрожала.

Я не думала и не планировала. Это пугало. Всю жизнь я рисовала четко: линии, формы, перспективу. Все было выверено. Архитектура, дизайн, детали — логика всегда стояла на первом месте. Даже в самых свободных зарисовках я оставалась верной себе: если не знаю, зачем кладу штрих, — лучше его не класть.

Теперь же штрихи рождались сами собой. Цвета вспыхивали, сталкивались, наслаивались. Я выдавила индиго и охру, густо смешала их прямо на холсте, добавила каплю алого — для акцента. От кисти будто шел жар, и я позволяла ему идти, не сдерживала.

Я рисовала не пейзаж, не предмет, не идею — я рисовала чувство. Без названия, без логики. Оно стучало изнутри, требовало выхода. Сгусток растерянности и боли, одиночества,

оторванности от себя — но в нем не было отчаяния. Было движение. Как вода, поднимающаяся в роднике — мутная, холодная, но настоящая.

На холсте возникала спираль, вылетающая из центра — не по правилу, не по золотому сечению, а как будто разрывая ткань пространства. Где-то в середине — пятно света, будто из глубины чего-то — надежды? Памяти? Осколок чего-то прежнего, за что хотелось уцепиться.

Я остановилась, отступила на шаг. Сердце стучало. В груди было тесно, но не страшно. Эта работа не была красивой. Ни одной выверенной линии. Никакой симметрии. Но в ней была *жизнь*.

И, может быть, я наконец-то начинала понимать — чужое тело, чужой дом, чужая жизнь, но эмоции, которые выливались из меня, были *моими*. Без остатка.

Я сделала еще один шаг назад от холста, не зная, зачем: то ли чтобы взглянуть на все со стороны, то ли чтобы чуть сбавить ритм сердцебиения. Рука все еще сжимала кисть, пальцы были испачканы краской — охрой, индиго, алым. Я вытерла их о старую тряпку, лежавшую на подоконнике, и вдруг почувствовала взгляд.

Он был ненавязчивым, но осязаемым, как прохладный воздух после дождя. Я обернулась и там, у двери, стоял Максим.

Он не произносил ни слова, не делал ни шага, просто смотрел. Так, будто видел не просто женщину с кистью в руке, а что-то очень важное, глубокое. Слишком личное, чтобы назвать это привычным интересом или вниманием. В этом взгляде не было ни анализа, ни попытки распознать — только странная, теплая тишина. Почти интимность.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна сопротивления. Это чувство было знакомо. Притяжение, которое хотелось отрицать, от которого хотелось закрыться, спрятаться, спрятать *себя*. Не потому, что не веришь, а потому что боишься поверить слишком быстро.

— Давно ты тут? — спросила я, голос прозвучал чуть глуше, чем хотела.

Максим улыбнулся, чуть заметно, уголком губ:

— Только что вернулся. Ты увлеклась.

Я машинально взглянула в окно: за стеклом уже вечерело. Воздух был синим, мягким. И только теперь я почувствовала, как болят плечи, как дрожат ноги от долгого стояния, как покалывает в спине. Тело, несмотря на вдохновение, еще не восстановилось полностью. И все же я не жалела о своем творческом подвиге, ни на миг.

— Сколько прошло? — пробормотала я, больше себе.

Он не ответил, просто подошел ближе бесшумно, легко, как будто боялся спугнуть момент. И когда я пошатнулась, даже не заметив этого, его рука уже была рядом. Такая нужная сейчас поддержка. Не посягательство, не захват — оправданное *присутствие*.

Он обнял меня за плечи, помог сесть на старый мягкий диванчик, и только тогда я поняла, насколько устала. Его теплая, сильная ладонь все еще лежала на моей руке. Он не спешил ее убирать.

Я смотрела на краски на своей коже, на холст, в котором горела безымянная эмоция, и не могла понять: он сейчас видит *ее* или *меня*? И была ли между нами разница в этом полумраке, в этой тишине, где даже дыхание звучало громко?

— Подожди... — вдруг сказала я и, прищурившись, посмотрела на Максима. — Ты знаешь, что у тебя синий нос?

Он моргнул. Пару секунд просто смотрел на меня с непонимающим выражением, а потом медленно поднял руку и попытался смахнуть краску тыльной стороной ладони. Получилось только хуже — он размазал пятно по щеке почти до уха.

Я не выдержала и рассмеялась. По-настоящему, впервые за долгое время. Смех оказался звонким, неожиданно легким. Максим посмотрел на меня с этой своей полуулыбкой и тоже хмыкнул.

— Ладно, — сказал он, — пусть будет творческое преображение. Умоюсь попозже, а то вдруг вдохновение сотрется.

— Иногда оно именно так и уходит, — ответила я, глядя на свои испачканные пальцы. — С водой и мокрой тряпкой.

Максим сел рядом, чуть сбоку, оставляя пространство, но в этом была особая забота, деликатность. Ни на шаг ближе, чем мне хотелось бы.

— Это что-то из старых работ? — спросил он. — Или это что-то новое?

Я опустила взгляд, размышляя вслух:

— Наверное, новое. Раньше я больше про форму была. Про геометрию, композицию. А сейчас будто бы важнее стало просто почувствовать. Даже если линии не точные.

— Чувствовать — иногда гораздо честнее, чем выверять, — тихо сказал он.

Я кивнула, чувствуя, как что-то в нас совпадает. Это не было разговором о картинах. Это был разговор о нас. О хрупкости, о правде, о том, как выжить, когда прежнее вдруг исчезает, а новое еще не стало привычным.

— Я раньше использовала ультрамарин для глубины, — пробормотала я. — Но потом сменила его на *океанский синий*, он плотнее.

Максим чуть нахмурился, и это движение, почти незаметное, я уловила краем глаза.

— Океанский? — переспросил он.

— Ага, в «Гамме» такой был, ты знал? В том большом магазине у ВДНХ, куда я заезжала после пар... — я осеклась.

Слова зависли в воздухе. Плотные, слишком отчетливые. Пар? Каких пар?

Максим не двинулся, но что-то в нем изменилось. Как будто взгляд или дыхание стало другим. Он не задал ни одного вопроса. Не озвучил одной реплики. Просто смотрел и молчал. И это молчание прозвучало тревожнее любого крика.

Тишина повисла слишком плотная, чтобы дышать. Я слышала, как где-то внутри меня заколыхалась тревога. Не только от слов, но и от их послевкусия. Как будто вырвалось то, что не имело права быть произнесенным. Как будто я сама подставила себя под рентген его взгляда.

Максим не двигался. Я тоже. Все застыло — даже воздух. И именно в этот момент, почти с издевкой, раздался звонок в дверь, резкий, короткий, как сигнал тревоги. Я вздрогнула.

Максим поднялся первым, не сказав ни слова. Словно выдохнул благодарность тому, кто оказался по ту сторону двери. Я осталась сидеть на диванчике, руки все еще испачканы краской, сердце сбилось с ритма, и я внезапно почувствовала, как сильно устала.

Раздались голоса. Шаги. Теплые интонации взрослой женщины. Ее смех и еще один, более высокий, детский.

Потом все звуки стали звучать ближе. Раздались быстрые шаги, и появилась она.

Варя.

Она вбежала в мастерскую быстрее всех, как будто боялась, что кто-то опередит. Маленькая, шустрая, с чуть растрепанными косичками и сияющим лицом.

— Мама! — воскликнула она и бросилась ко мне.

Я почувствовала, как во мне все замирает.

Инстинкт был первым: я тоже протянула к ней руки. Хотелось обнять, удержать, стать опорой. Но девочка вдруг резко остановилась на расстоянии пары метров и отступила на шаг. Потом еще на один.

Ее лицо изменилось, глаза округлились, взгляд стал тревожным. Она вглядывалась в меня, как будто пыталась узнать. Что-то в ее представлении мира явно сломалось.

Она исподлобья посмотрела на Максима, потом на меня, чуть прищурилась и просто замерла.

Я не знала, что делать. Сказать что-то? Протянуть руку? Или, наоборот, отойти? Как реагирует мать, если ее собственный ребенок — пусть и не по крови, а по жизни — не узнает ее?

Мир внутри меня сжегился в испуганный комок.

Максим подошел ближе, положил руку дочери на плечо, и я увидела, как он напряжен. Он смотрел на Варю с мягкостью, но губы были сжаты, будто от боли.

Позади в дверях стояли его родители — седовласый, крепкий мужчина и женщина с добрым лицом и внимательными глазами. Она тоже заметила, что происходит, и в ее взгляде скользнула тень. Но она не сделала ни одного лишнего движения, лишь чуть наклонилась к мужу, сдерживая его от порыва вмешаться.

— Варя, это же мама, — мягко проговорил Максим, как будто сам проверяя, как звучат эти слова. — Она просто болела. Но ей уже лучше.

Девочка ничего не ответила, лишь немного сильнее прижалась к его ноге. Ее маленькая ладонь судорожно сжалась в кулачок.

Я посмотрела на нее, не будучи ни матерью, ни чужой. Просто как женщина, которая слишком остро чувствует: что-то внутри этой девочки будто бы надломилось от сомнения, от страха, от того, что мир вдруг не такой, каким был вчера.

И больше всего мне хотелось сделать одну вещь: подойти и обнять ее молча, без лишних слов и объяснений. Просто быть рядом. Дать ей то, что она ждала, но не узнала.

Но я не сделала ни шага. Максим все еще стоял между нами, и мне впервые стало по-настоящему страшно: а что, если я не сумею стать той, кого она ждет?

Максим

Я не сразу понял, что именно меня насторожило в ее словах. Мы сидели в мастерской, на фоне огромного, незаконченного полотна, когда она вдруг, перебирая кисти, сказала:

— Ага, в «Гамме» такой был, ты знал? В том большом магазине у ВДНХ, куда я ездила после пар...

Я отложил в сторону тряпку, с которой только что вытирал краску с мизинца, и на мгновение просто смотрел на нее, не реагируя. В голосе не слышалось ни тени смущения, ни попытки подыграть. Лена говорила это так, будто сама в это верила. А я знал: она нигде не училась. Ни в академии, ни на курсах. После школы — сразу в рекламное агентство, потом — фриланс, живопись, частные заказы.

Сердце в груди сжалось, но я не подал виду. Просто медленно выдохнул, вцепившись пальцами в край столика рядом. Усталость вдруг стала вязкой, липкой, как свежая краска на холсте. Может, она вспоминает что-то или путает. А может, просто говорит то, что кажется правильным. Кто знает, как устроена память после такой травмы?

Я открыл было рот, но ничего не сказал. Я слишком устал, чтобы разбираться прямо сейчас, или слишком боялся услышать, что она скажет, если я задам вопрос.

К счастью — а может, к ужасу — нас прервали. Раздался звонок в дверь, короткий, уверенный. Я молча поднялся, подал ей руку, хотя она, кажется, не особенно нуждалась в помощи, и вышел в коридор первым.

Родители приехали с Варей.

Я открыл дверь и почти сразу же почувствовал, как в груди защемило. Вошла мама в ее самом любимом шарфе в мелкий цветочек, который я среди прочих подарков дарил на последний юбилей, папа с ворчливым видом, будто всю дорогу за рулем его держали насильно, и Варя — в новом сарафане, с заколкой в форме котенка и рисунком в руках.

— Папа! — крикнула она и тут же рванула ко мне.

Я присел на корточки, поймал ее в объятия, и сердце сжалось от счастья, боли и какого-то неуловимого страха одновременно. Она пахла яблоками и солнцем, чистой кожей, ее любимым шампунем, немного пылью от дороги. Моя девочка, мой смысл жизни.

— Привет, котенок, — прошептал я, прижимая ее крепче. — Я очень скучал по тебе.

Она отстранилась, посмотрела на меня снизу вверх, уже с той своей серьезностью, от которой невозможно скрыться:

— А мама правда дома?

Я кивнул, не успев ответить словами, но она уже сорвалась с места.

— Мама! — звонко выкрикнула она так, будто все время только этого и ждала. Я не успел ничего сделать — ни остановить, ни предупредить.

А потом Варя застыла на месте буквально за шаг до того, чтобы броситься в объятия Лены. Я видел, как ее лицо меняется — сначала изумление, потом легкое сомнение, потом что-то тонкое, тревожное. Глаза ее остановились на Лене, и я понял — она почувствовала.

Ноги у меня налились свинцом. Воздух в легких вдруг лишился кислорода, как на высоте. Я хотел подойти, подхватить дочь, обнять, сказать, что все хорошо, что мама просто немного устала, но не смог.

— Варя... — позвал я тихо, — это же мама. Она просто болела, но ей уже лучше.

Дочь оглянулась на меня, потом снова на нее и уже не побежала, подошла медленно, остановилась и только тихо сказала:

— Ты не улыбаешься, как мама.

Я не знал, что ответить.

Моя мама подошла ближе, обняла Варю за плечи, как бы сглаживая эту ситуацию и ограждая внушку. Она посмотрела на Лену с внимательной добротой, но я уловил в ее взгляде ту же самую тень. Легкую, почти незаметную и все же — тревогу.

— Она просто устала, котенок, — сказала мама, мягко улыбаясь. — Вот увидишь, скоро все будет, как прежде.

Я знал, что не будет, но промолчал.

Варя подошла еще ближе к Лене. Слишком осторожно, осторожнее, чем к любой мало-знакомой двоюродной тете, с которой не видишься месяцами. И все же подошла. Посмотрела, подняла голову. Ее глаза были слишком серьезны для ее возраста.

— Ты рисовала?

Лена медленно кивнула с натянутой улыбкой. Я видел, как она борется с чем-то внутри, возможно, с виной, с желанием быть честной, с невозможностью ей быть.

— Я старалась, — сказала она.

— Ты забыла, что я люблю фиолетовый, — бросила Варя с легким упреком, как будто в этом и было главное доказательство ее подозрений. — Раньше не забывала.

Я сглотнул. Хотел сказать: «Ты права». Хотел оправдать жену, хотел соврать, но не сказал ничего. Просто подошел к дочери и аккуратно, сдержанно, но крепко обнял ее за плечи.

— Дай маме время, Варя, хорошо? — прошептал я. — Ей нужно вспомнить многое, а мы ей поможем.

Малышка серьезно кивнула. В ее лице была уже не детская, а почти взрослая решимость. Но мысленно я понимал — трещина в нашей семье уже пошла. И теперь все зависит от того, как мы защитим фундамент от разрушения.

— Варюша, котенок, давай мы пока с дедушкой отнесем твои вещи наверх, — предложила мама, осторожно глядя на нее. — Умоешься, а потом спустишься, перекусим все вместе. Дорога ведь долгая.

Варя кивнула без особого энтузиазма, но и без возражений. Послушно взяла свою сумку, потянулась за бабушкиной рукой и пошла вверх по лестнице, кинув на ходу короткий взгляд

не то в мою сторону, не то на Лену. Я уловил в этом взгляде осторожность, как будто она проверяла: осталась ли ее мама в доме, где теперь все чуть-чуть перекошено.

Когда они скрылись за поворотом, я повернулся к Лене. Она стояла неподвижно, как будто последние силы ушли вместе с Варей. Глаза все еще влажные, но не заплаканные.

Я подошел к ней медленно, без резких движений. Взял ее за руки и почувствовал, что ладони холодные. Пальцы напряжены, как будто она до сих пор держит кисть и боится уронить ее. Сжал ее руки в своих аккуратно, с той осторожностью, с какой держат человека в больничной палате.

— Ты справилась, — сказал я тихо. — Я горжусь тобой.

Она взглянула на меня, и в этом взгляде было так много всего, что я почти не выдержал. Благодарность, усталость, желание исчезнуть. Ощущение, что она — в ловушке, или что не знает, как вернуться. Может, никогда не знала.

Губы дрогнули. Казалось, она все-таки вот-вот заплачет. Еще мгновение, и все, и я обниму ее, и она провалится в мои руки. Но она не заплакала, сделала вдох — медленно, как будто отсчитывая секунды — и выдохнула также медленно. Сила, которую трудно назвать храбростью, но невозможно не уважать.

— Спасибо, — сказала она еле слышно, но не слишком сдержанно. Словно за этот день она уже исчерпала весь запас тепла и теперь выдавала остатки по капле.

Я кивнул, не отпуская ее рук. Хотел сказать что-то еще, но не стал. Иногда молчание лучше утешает.

— Я, наверное, немного отдохну, — добавила она. Голос все такой же тихий, но твердый. — Немного слишком всего.

— Конечно, — сказал я. — А я пока займусь ужином. И, если ты не против, приглашу родителей остаться поужинать с нами?

Она чуть улыбнулась, но не так, как раньше, без легкости. Но все же — улыбнулась.

— Конечно, почему бы и нет, — сказала она, и в этих словах было что-то усталое. Словно сказать «нет» она не имела права. Словно не решалась быть хозяйкой в собственном доме. Или в доме, который теперь ей не до конца принадлежит.

Я провел пальцем по ее руке, коротко, как прощание, и отпустил.

— Если что-то понадобится — просто позови, — сказал я.

Она кивнула, повернулась медленно, как будто каждый шаг отдавался в спине тяжестью, и ушла вверх.

Я остался стоять в мастерской, среди запахов краски и тишины, в которой, как ни странно, все еще звучал ее голос.

Иллюстрации. Варвара Сотникова

Варя Сотникова.

Глава пятая

Алина

Ночь угрожающе напoлзала на меня, как тень, которую не остановить ни дверью, ни закрытыми шторами. Дом спал ровно и глубоко, отсыпаясь вместо меня. Даже тишина здесь звучала иначе: не как абсолютная пустота, а как немного угрожающее (для меня) и размеренное (для всех остальных) дыхание чего-то большого, тяжелого, живого.

Я лежала в постели, не шевелясь. Наволочка была слишком горячей с одной стороны и чуть влажной — с другой. Плед, мягкий, как пена в ванной, давил на грудь. Я старалась даже не дышать, любое минимальное движение доставляло дискомфорт. Только мысль — маленькая, тонкая, как трещина в стекле — росла по своей воле, разрасталась, распoлзалась по телу: Варя.

В этом доме я была не одна, но чувствовала я себя куда более одинокой, чем раньше.

Это уже не первая ночь в доме. Я знала, как в темноте скрипит половица у двери гостиной спальни, где тикают часы, как в районе четырех утра по улице где-то чуть вдалеке проезжает мусоровоз. Но сегодня было иначе. Сегодня в этом доме была она: маленькая девочка с глазами, которые слишком внимательно смотрели на меня, и с голосом, который вполне конкретно озвучил: я не та, кто должна быть ее мамой.

Когда я услышала, как хлопнула тонкая дверь на третьем этаже, сердце мое упало. Варя проснулась, а я не знала, что делать. Подняться? Остаться? Позвать ее? Или молчать, как призрачное существо, скрывая свое присутствие?

Раздались шаги. Сначала несмелые, потом — чуть быстрее, и снова хлопнула дверь детской. Теперь Варя бродила по комнате и явно была не в порядке, я это почти физически ощущала. Я вся обратилась в слух, испытывая бесконечную вину и нерешительность.

Я не имела права войти, но страшно этого желала.

А потом раздались другие шаги: тяжелые, тихие, но уверенные. Максим поднялся по лестнице, открыл дверь в спальню, и я сразу поняла: Варя ждала именно его. Значит, она все еще верила ему, хотя все в этой семье порушилось. Хотя кому-то она верила.

А я... я была лишняя. Мать, которую никто не выбирал. Женщина, которую не узнавали. Призрак в слишком реальной плоти.

Я свернулась на кровати, как будто это могло спасти. Подтянула к себе колени, уткнулась лицом в подушку и тогда, наконец, дала себе то, чего боялась больше всего: я заплакала.

Я рыдала без звука, глухо и сдавленно. Нельзя была плакать вслух, потому что если бы я сама услышала свои рыдания — я бы точно сдалась. Хотя я и так уже почти сдалась.

Как я могу жить эту жизнь, если ребенок меня боится? Все мое нутро тянулось к этой девочке, но мозг замирал, как испуганный зверек под прицелом охотника.

Я чувствовала, как этот вопрос разъедал меня изнутри. Удар за ударом я истязала собственный разум, ударяя по нему размышлениями, как град бьет по тонкой крыше. В этой жизни я никто. Ни мать, ни жена, даже не художница. Я тень. Имитация. Временная замена настоящего человека, который, может быть, даже не заслуживал, чтобы его заменяли.

И самое страшное было не в том, что я не стала Леной, а в том, что я уже не была Алиной. Прошлая жизнь казалась плоской, размытой, будто ее выстирали отбеливателем. Да, я умерла. Но вот сейчас — здесь — я чувствовала, что впервые живу настоящей полноценной жизнью, и могу все это потерять, если сделаю что-то не то. словно на меня возложили такую желанную, но слишком огромную ответственность, и я не выдерживаю, хотя ужасно стараюсь.

Я с силой вцепилась в подушку, сжала ее так, что руки затекли. Максим вернулся к себе — я только услышала щелчок закрывающейся двери. Тишина снова разлилась по дому, как вода, скрывающая любые следы чужого присутствия.

А внутри меня все кричало. Я никогда не хотела быть чужой. Да, я не просила всего этого, этой роскоши, заботы, внимания. Но теперь — что бы это ни было — все стало важным для меня. Варя, Максим, этот дом. Даже боль и физическая, и душевная, здесь была более настоящей, чем все, что я знала до этого.

И это было намного ярче той жизни, которой я жила раньше, а возможность все это потерять — куда страшнее пережитой смерти.

Этой ночью я почти не спала. Заснула где-то под утро, в какой-то полудреме, где сны (как и все остальное теперь) были не моими, а выдуманными кем-то другим: обрывки голосов, образы знакомых, но неузнаваемых лиц, запах сирени, чьи-то шаги, а потом тишина, слишком плотная и недружелюбная, чтобы в ней можно было остаться.

Когда посветлело за окном, я окончательно сдалась. Ранний подъем оказался легче, чем я думала. Тело ныло, но двигалось. Глаза щипало, но они видели вполне ясно. Я встала тихо, как будто боялась, что дом услышит и решит, что еще слишком рано выпускать меня из спальни.

На кухне было прохладно и пусто. Окно чуть запотело: по ту сторону утро было серым и туманным, как еще ненаписанный день. Я включила свет и подошла к столешнице, как будто знала, что именно сейчас надо делать.

Завтрак.

Никто от меня не ждал ничего подобного, но мне нужно было сделать что-то полезное. Занять руки. Заставить себя стать частью этого места, хотя бы на уровне панкейков.

В морозилке нашлась черника, в холодильнике — яйца, сливочное масло и молоко. Когда открыла кухонный шкаф, то все недостающее для рецепта обнаружила на ожидаемых местах: муку, соду, ванильную эссенцию в маленькой бутылочке. Миксер я не включала (если честно, даже искать не стала), все делала вручную, медленно перемешивая смесь в большой миске по кругу, почти ритуально.

Пока получившееся тесто «отдыхало», я поставила чайник и на автомате достала три кружки. Одну, детскую с оленем, не решилась убрать со стола и оставила рядом с двумя побольше. Пусть будет, вдруг Варя не откажется позавтракать со мной.

На сковороде первая порция теста уже зашипела, по кухне пошел сладкий, чуть терпкий запах. Черника дала сок, он закипал на краях лепешек, оставляя фиолетовые обводы.

В этом доме, как из сериала, и завтрак должен быть вполне сериальным. Панкейки по моему мнению в этот образ идеально вписывались. Могли стать частью сценария идеальной жизни без всяких дублеров и без права на ошибку.

Я успела перевернуть вторую партию, когда за спиной послышались шаги.

— Ух ты, — сказал Максим. Голос звучал сонно, но с тем мягким удивлением, которое слышно даже без взгляда. — Ты уже на ногах?

Я обернулась. Он стоял в проеме кухни, босиком, с поднятыми бровями и легкой улыбкой. Футболка, теплые домашние штаны, волосы взъерошены — тот самый образ, от которого у зрительниц по другую сторону экрана обычно сносит крышу. А я стояла в чужой ночной рубашке, испачканной в муке.

— Не спалось, — ответила я и пожала плечами. — Решила сделать что-нибудь приятное для всех.

Он подошел ближе, заглянул через плечо:

— Панкейки?

— С черникой, — кивнула я. — Она была в морозилке.

Да, мне показалось, что в таком доме как-то глупо есть какую-нибудь яичницу с сосисками на завтрак, но вслух это я, конечно же, не сказала.

Максим кивнул так, будто понял мои душевные терзания. Или притворился, что понял что-то другое. Может, просто хотел поддержать.

— Пахнет... — он глубоко втянул носом воздух, — очень по-домашнему. Варя их обожает.

Я опустила глаза, пытаюсь не выдать, как меня кольнуло это замечание. Не потому что он упомянул ее, а потому что я даже не знала, что она обожает, а просто действовала наугад. Потому что я всего лишь стояла у плиты, изображая жену, маму, хозяйку, а внутри постоянно ощущала комок из жалости к себе, вины, усталости, страха и еще множества эмоций, которые не покидали меня ни на минуту.

— Надеюсь, ей понравится, — сказала я тихо, решив не скрывать от Максима хотя бы эту простую, но очень честную мысль.

Максим чуть улыбнулся и достал из шкафа тарелки, не говоря больше ни слова. Просто подошел и стал рядом со мной, как будто я и правда была частью этой кухни. Этого утра и семьи.

Пусть даже пока наше единение наблюдалось только в панкейках, но это был хотя бы какой-то шанс.

Максим молча поставил тарелки на стол и повернулся ко мне, будто размышляя, стоит ли говорить. Все в нем было немного медленным этим утром, словно он еще не окончательно проснулся, и мне это нравилось. В этом чувствовался настоящий комфорт и нормальность.

— Ты точно не переутомляешься? — спросил он. — Все-таки ты еще не полностью восстановилась.

Я повернулась к нему и чуть прищурилась, изображая возмущение:

— Я тебе что, хрустальная ваза? Почти целая уже. Всего через пару дней последний визит к врачу, и можно будет вручать диплом здорового человека.

Он усмехнулся, но взгляд остался внимательным:

— Я серьезно.

— А я — почти, — ответила я, снова помешивая остатки теста в миске, хотя оно уже давно было готово к жарке. — Правда, мне хорошо. Немного не выпалась, но это не считается.

Я не сказала, почему не выпалась. Не рассказала про ту тишину, в которой и от которой пряталась ночью. Про то, как лежала, считая свои ошибки, как овец перед сном. Но он, кажется, и не ждал объяснений, просто коротко кивнул, доверившись моему ответу.

Мы оба замолчали, но в этом молчании сегодня не было неловкости. Он стоял рядом, совсем близко. Я чувствовала его тепло, слышала, как дышит. Он слегка потянулся вперед за медом, обдал меня запахом мятной зубной пасты и теплой кожи, но я даже не двинулась.

Он все еще считал меня Леной. Все еще ждал, что я вернусь к «себе», которой возможно больше не существовало. Но сейчас, в этой тишине кухни, с панкейками на сковороде, казалось, что, может быть, эту меня, настоящую меня он тоже мог бы принять, если бы узнал правду.

В этот момент послышались шаги. Нет, не шаги даже — скорее шлепанье. Варя спускалась по лестнице босиком, сонная, в своей розовой пижаме с зайцем. В руках — плюшевая собака, одно ухо висело, как у зайца, второе торчало с крупной наспех пришитой пуговицей.

Она появилась в проеме кухни со спутавшимися волосами и чуть опухшим от сна лицом. Остановилась, зевнула широко и посмотрела на стол.

Максим тут же расправил плечи, голос стал строже:

— Варвара. А почему ты еще не умылась?

Она только еще раз зевнула в ответ без тени раскаяния. Посмотрела на панкейки, потом на меня, потом снова на панкейки.

— Кушать хочу, — сказала она серьезно, как будто это был аргумент, против которого не попрешь.

Максим бросил на меня вопросительный взгляд. Я чуть усмехнулась, пожала плечами — ну что тут скажешь?

Он театрально вздохнул, покачал головой:

— Ладно. Сегодня, в порядке исключения, сначала завтрак, потом зубы. Но только сегодня. Под честное слово.

— Честное! — радостно взвизгнула Варя и подбежала к высокому стулу у кухонной стойки.

Она вскарабкалась с такой решимостью, что плюшевая собака едва не упала. Девочка подхватила ее обратно, устроилась поудобнее и уставилась на тарелку с настоящим детским восторгом, который нельзя сыграть.

— С черникой! — сказала она, и это прозвучало как одобрение наивысшей пробы. — Ура.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Максим благодарно взглянул на меня, и в этом взгляде, наверное, было больше, чем я готова была признать.

Я смотрела, как Варя разминает панкейк вилкой, пока сок черники не начал медленно растекаться по тарелке. Следила за ее маленькой рукой, крепко прижимающей игрушку, смотрела на щеки, все еще немного мятые от подушки, и в глаза, где плескался восторг, чистый и неподдельный.

Я угадала с завтраком. Не специально, повезло, что черника была в морозилке. И только сейчас, только в этот момент, меня осенило: фиолетовый.

Сок черники, цвет теста, пятна на тарелке. У Вари ведь фиолетовый — любимый цвет. Она сказала это лишь раз, когда только вернулась домой. Тогда я не слишком обратила на это внимание, упиваясь своими эмоциями, а сейчас от осознания вдруг стало тепло.

Почти незаметно, без предупреждения и без фанфар ко мне подкралось чувство, которого давно не было: я могу. Может быть не все, не сразу и не идеально, но могу удержать эту жизнь в руках. Пробовать, ошибаться, отвечать за себя и за кого-то другого.

На волне этого почти детского энтузиазма я не выдержала:

— А давайте сварим какао? К панкейкам идеально подойдет. Варя, хочешь?

Варя оторвала взгляд от тарелки и уставилась на меня.

— С молоком и зефирками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.